

Огонь
ЖЕЛАННИК

18+

Елена Еремина

Огонь Желаний

<https://litres.ru/74022114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы все умрём.

И наш мир уже не спасти - монстры полностью захватили остров.

Последний оракул мёртв, теперь по очереди убивают моих друзей.

Я смотрю на неё, чьи глаза полны чувства. Ни страха, ни печали - одно сплошное беспокойство. За меня.

Мы всегда были вместе, но нашу связь так грубо оборвёт этот пропитавшийся кровью меч. Её губы шепчут молитвы. Нет, дорогая, никакие молитвы нам уже не помогут...

Клинок резко пронзает её тело, а с моего рта срывается стон. Это же острие входит в моё сердце, по руке течёт кровь.

Я не чувствую боли. Только пустоту. И ненависть.

Вот бы вернуться туда, назад, в прошлое, и не допустить этих ошибок. Но это невозможно.

Я закрываю глаза.

Вспышка. Белый свет.

Разомкнув веки, я замечаю, что лежу на кровати. На своей кровати. В своей комнате.

Неужели... Неужели мне дали второй шанс?

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Еремина

Огонь Желаний

Пролог

Мы все умрём.

Эта мысль стучит в моей голове так же отчётливо, как панически отбивает сердце свои последние удары. Рука дёргается, пытаюсь выбраться, но встречает сопротивление в виде сомкнутой на ней кривой и уродливой лапе чудовища, некогда бывшего человеком. Я снова оглядываю его, это ужасное тело с полупрозрачной синеватой кожей, пульсирующие вены на ней, когтистые, уже не человеческие ладони с отросшими когтями, слюни, которые капают с противных клыков, что ранее скрывались за прекрасной улыбкой.

В который раз оглядываю и убеждаюсь: когда-то это был ветряной маг. Его одежда, которая сейчас висит растерзанными лохмотьями, выдававшаяся всем воинам из отрядов обороны, остаётся единственным напоминанием о человеческой жизни монстра.

Но сейчас, когда весь магический мир поразили этот яд, уже не важно – человек ты, маг, оракул или жрец. Все люди, их мёртвые тела смешались в кучу фиолетового месива, порождая собой всё больше монстров, убивающих бывших

собратьев. Жестоко и жадно, словно голодные псы, завидевшие кусок желанного мяса, они бросаются на мирных людей, превращая тела женщин и детей в кровавой фарш.

Есть, конечно, и те особи, что поддаются обучению, подчинению, становлению беспощадными машинами для устранения цели. Те, что сквозь свои налитые злостью глаза будут пресмыкаться перед хозяином, дабы получить заветную косточку, покрытую загнивающим мясом. Те, что сейчас так сильно сжимают руку, впиваясь в кожу сквозь плотную ткань рубашки.

Таким стал бы и мой милый младший брат. Ещё ребёнок, совсем птенец, он уже тогда понял, что жизнь не бывает лёгкой. Он был тем, кто повзрослел слишком рано.

И сколько бы обращений в подобных тварей я не наблюдал после того случая, душу всегда охватывает паника, руки дрожат, и я понимаю, что не в силах убить раненного. Потому что в каждом из них, в их горящих надеждой глазах, в застывшей печальной улыбке, снова и снова вижу его – Арлана.

Вот он, маленький мальчик с непослушными русыми вихрами и пепельными глазами, протягивает руку, точнее, её половину до обкусанного локтя. То, что было до этого, то, что было потом, никогда не сравнится с ощущениями сердца в тот момент. Оно почти перестало биться, словно почувствовав конец, но потом осознало, что не мой, и отпустило, снова забилось, но в бешеном ритме. Глаза неотрыв-

но следили за стекающей с обрубка кровью, которая смешивалась с обсидиановыми секретами монстра. Арлан, заглядывая мне... не в глаза, нет... в самую душу, спрашивает:

– Братик, я тоже.... Также стану монстром?

Серые глаза-одуванчики с надеждой смотрят на меня. Но и они, и мои огни понимают, что это – конец. Конец не только для меня, для братишки. Это конец для всего мира. Для всех магов, что ещё остались живы. Ведь всё, будь то даже человеческая жизнь, заканчивается. Так закончился и наш мир, на смену которому пришёл фиолетовый ад.

И пришёл очень быстро. Ведь эти чудовища не только передвигаются с большой скоростью и в мгновение ока расправляются с жертвой, но также быстро и становятся монстрами. Человек, которому предстоит стать таким, даже не заметит, как обращается в клыкастое нечто.

Неужели это произойдёт и с моим братом? Неужели ещё какая-то пара минут, и он потеряет сознание? Ещё полчаса – и он уже полностью обратится в такое же бесчувственное чудовище, покрытое сиреневыми пятнами. Ещё час – и он пойдёт убивать таких же, как я, магов. И никто не в силах это остановить: последний жрец умер час назад, а Аля сражается слишком далеко. Она просто не успеет. Мой брат обречён.

– Братик? – снова зовёт маленький человечек. Пока что – маленький человечек.

Он, все ещё наблюдая за мной своими большими глазами,

делает шаг вперёд. Губы мальчика приподнимают свои уголки, и он пытается целой рукой ухватиться за меня. Его детское личико озаряется радостью, и Арлан, видимо, думает, что его ещё можно спасти.

А я... Делаю шаг назад. Руки лезут к глазам, чтобы закрыть их, губы шепчут: нет. Не хочу, не могу верить.

– Мы не успеем, – констатирует друг, поправляя очки. – Давай я?

Меня передёргивает от отвращения к собственному товарищу. Брат испуганно смотрит то на меня, то на Диму. Вена на его шее начинает слишком быстро пульсировать, а глаза наливаются кровью. Если эти серебряные камни вдруг перестанут мерцать и окрасятся кровью людей в красный цвет, я себе этого не прощу.

– Аля далеко, с другим отрядом, – все давит он, не меняя выражения лица. Все те же невозмутимые черты. – Думаешь, мы успеем донести его за минуту на расстояние равное нескольким километрам? Да и вылечить его никто не сможет, при всем желании. Нет лекарства. Уж лучше пусть не мучается. Мы же делали это много раз, думаешь, после убийства сотен таких гусениц у меня дрогнет рука?

Гусеницы. Как точно мы попали, когда придумывали название для перевоплощающихся чудищ. Неважно, как попала в людскую кровь жидкость монстра, он все равно станет таким же. Дёргаясь в предсмертных судорогах, эти гусеницы становятся не прекрасными бабочками, а ужасными и

жуткими созданиями, несущими на землю раздор и мучения.

И с Арланом произойдёт то же самое. Процесс его перевоплощения начался. И как бы необычно и волшебно ни звучало, на самом деле, это самая отвратительная и душераздирающая картина. Когда человек становится монстром, он умирает изнутри, сгорает от нестерпимой боли. Его сердце быстро-быстро стучит, сжимается, лёгкие не в силах выдерживать слишком частые вдохи-выдохи. Глаза жжёт, кровь смешивается с заражающей слюной и заливает глазные яблоки противной смесью.

Я не хочу, чтобы мой брат умер так. Я не хочу, чтобы он вообще умер. Я хочу, чтобы он жил.

Но кто-то, кто пишет нашу судьбу, решил иначе. Именно этот кто-то, кто руководит действиями и телами, затуманивает разум и заставляет делать ужасные вещи, двигал мной, словно марионеткой. Или...Я сам отказался от своего брата?

Шаг назад...Отстранение от него... Все мы, когда делаем движение назад, в темноту, отказываемся от своих целей, планов и будущего. И, как оказалось, родных, готовых поддержать в трудный момент.

Видимо, моя нерешительность и стала призывом к действию. Друг, не видя препятствий с моей стороны, замахивается клинком. И я слишком поздно осознаю, что именно он хочет сделать.

Немой запоздалый крик, протянутая рука и падающее,

словно выроненная из руки тряпочка, тело моего маленького брата. Я кидаюсь, мелькнув мимо друга, подхватываю Арлана на лету и обнимаю, так крепко, как никогда не обнимал.

Мой последний родной человек, одна со мной кровь, умер. Нет, не может быть. Скажите все, что угодно. Что это все спектакль, сцена кино, розыгрыши, но не реальность.

Первая стадия – отрицание. Дальше для меня лишь осознание и страдание. Понимание того, что сам я слабак, не способный защитить то, что дорого. То, что нужно было защитить ценой своей жизни.

Ведь на деле, это не Дима убил его. Не монстр, чьё изрезанное моим мечом тело валяется где-то в стороне. Не та фиолетовая тварь, что заразила брата.

Это я убил его. Я – убийца. Я отступил от него, опустил голову перед первой же неприятностью. Когда нужно было бороться до конца.

– Кровь! В раны же попадёт! – замученно вздыхает друг. Но я его не слушаю. Более того. Я его ненавижу. Ненавижу за свою слабость, за прямолинейность и за эти усмехающиеся глаза. На правду не обижаются, но сейчас я готов обидеться на весь свет, лишь бы не встречаться с его змеиными зрачками, которые видели все. Они видели меня, запомнили, что я – предатель собственной семьи. И теперь, эти глаза всю жизнь будут преследовать меня и напоминать о собственной ничтожности.

Слезы бурной рекой текут из глаз, и среди всхлипов я все время вытираю их тыльной стороной ладони, размазывая по лицу смесь из слюны той твари и крови брата.

Сердце сжимается от осознания, и мне невольно хочется умереть здесь. Рядом с братом. Оно разжимается, и мне тут же хочется убить всех, весь этот грешный мир, лишь бы хоть на секунду заглушить пожар боли в душе. Воткнуть меч прямо в сердце друга, прокручивая лезвие, дабы доставить ему столько же боли, сколько я испытываю сейчас. Сброситься с обрыва, принимая телом удары и режущие раны от острых камней, чтобы заглушить душевную боль.

Последним, что слышали стены того полуразрушенного здания, были мои истошные крики вперемежку с громкими рыданиями.

А ведь, если бы Арлан был жив, он бы снова успокоил меня, вселил надежду на то, что все будет хорошо.

Но его больше нет.

Он умер, так и не увидев зиму.

К слову, кровь монстра не попала в раны, и я, к сожалению или счастьем, тогда не умер.

Мы с Димой похоронили брата там же. Точнее, только Дима. Он, внимательно наблюдая за мной своими изумрудами, провёл все нужные ритуалы и закопал тело. Хочу отдать ему должное, аккуратно обернуть остаток руки Арлана он смог, даже не заляпавшись кровью.

Когда Дима опустил его в яму, выкопанную за какую-то пару десятков минут, мне захотелось броситься в её тягучую темноту, вслед за братом. Хорошо, что друг вовремя успел схватить ворот кофты и прижать меня к себе. Снова слезы, снова всхлипы и несчастные крики, разрывающие гробовую тишину заброшки.

Сколько проклятий, угроз и прочего услышал тогда мой друг, но ничего не сказал, в ответ, обнимая меня все крепче.

У меня не было сил смотреть на земляное надгробие и понимать, что больше я Арлана не увижу. От него остались только огороженная камнями земляная куча, в которую мы воткнули ветку реликтового дерева, что росло поблизости. Его листья и цветы, подобные крыльям белоснежных голубей, развевались на ветру, помахивая нам на прощание.

И больше я туда не приходил. Не видел более этой могилы, как и никогда не нашёл места захоронения родителей.

Я не видел их смерти, может, потому от этой внезапной потери не так больно, как от смерти младшего. Но точно также невыносимо и мучительно думать о том, что их тоже не удалось спасти. Собственное бессилие добивало с каждым днём.

Их просто погребло заживо. Просто и быстро. Когда в убежище, куда эвакуировали выживших, ворвались монстры, его решили подорвать. Здание превратилось в груды обломков, приправленных свежей кровью людей. Людей! И монстров, что забежали внутрь. Некоторые тела сохранили свой

человеческий вид, лёжа на холодных камнях с конечностями в неестественных позах, а некоторые было не то, что опознать, их невозможно было собрать воедино.

Лишь немногим удалось избежать подобной участи. Среди них был и мой брат. Он все время держался вместе с родителями, но выжил только один. Их раздавило огромной плитой, что обрушилась в самом сердце дома.

Именно в тот момент Арлан и понял, что надо взрослеть, нужно пытаться выживать самому. Тогда он, с трудом освободив ногу от упавшего на неё обломка, увидел огромную каменную глыбу, под которой скрылись тела мамы и папы. От них осталась лишь оборванная кисть руки матери, с её любимым кольцом на среднем пальце. Кольцо магов ветра.

Арлан забрал его и надел на большой палец. И всегда носил с собой, считая, что оно приносит удачу. Но, как оказалось, не удачу оно принесло нашей семье, а море смертей и страха, океан боли и печали. Он умер, и я потерял последнего члена семьи. Я остался один. И теперь кольцо с красивым голубым камнем блестело на моем безымянном пальце.

Ничего Арлан, мы скоро встретимся. И тогда брат снова будет рассказывать тебе сказки о прекрасной зиме на земле жрецов.

– Пустите! Твари дрожащие!

Звонкий крик одёрнул меня и вернул в ужасающую реальность. Глаз сразу остановился на раскиданных повсюду телах, на кровавых дорожках, ведущих прямо в пасть мон-

страм. Гнилые доски старого эшафота, которым в Цорде не пользовались столетиями, скрипели под тяжёлыми шагами чудовищ.

По широким ступеням поднимались две огромные туши, именно туши, их глаза не выражали даже того голодного азарта, что был присущен всем подобным тварям. Дерево под ними едва не ломалось, а вся конструкция собиралась вот-вот рухнуть. Все моё тело, натянутое до предела, чувствовало их приближение.

Алю на смерть тащили за волосы. Золотистая проволока, отливающая на ярком солнце, оказалась зажата в лапе, покрытой засохшей кровью. Из таких же золотистых глаз лились горькие слезы. Девушка давно поняла, какую ошибку совершила, доверившись незнакомцу, рассказав ему все свои тайны, позволив приблизиться до предела.

Когда твари отпустили её, и светлые локоны снова коснулись плеч, стан Али дрогнул. Она подняла застеленные пеленой слез глаза и увидела своего палача. Любимого палача. Того, кому клялась разделить радость и грусть, жизнь и смерть. Только вот, сегодня разделить придётся тело девушки, и весь вкус смерти они ощутит сама.

Гордо, будто видя противную букашку, на неё взирал, презрительно ухмыляясь, самый подлый из всех – Кай. Его ореховые глаза, чья скорлупа давно разложилась, демонстрируя всю грязь души, с наслаждением наблюдали за мучениями Али. Ему было всё равно, что чувствовала девушка сей-

час, что чувствовала она, когда влюбилась в него, и что почувствует перед смертью. В глазах этого недочеловека горел жадный, голодный огонь, требовавший зрелища.

Он сам подошёл к оторопевшей девушке, прицеливаясь мечом в шею.словно хищная птица, целился прямо в ту жизненосную вену, не замечая, как по смуглой коже девушки катится слеза.

– Я тебя люблю, – прошептала Аля, закрывая глаза, дабы не льстить этому уродцу ещё больше плескавшейся в них любовью. – Такую мерзкую и пакостную инфузорию.

Взмах меча, брызги крови, и голова подруги отлетела в сторону, навсегда скрывая от мира свои чудесные жёлтые глаза.

Кай лишь усмехнулся, вытирая рот рукавом. Пока чудища, приставленные к нам, пускают слюни на живое, движущееся и тёплое тело, этот поганец вкушал смерть врагов, некогда бывших друзьями.

– Угадайте, кто будет следующим? – внезапно разнёсся по безлюдной улице довольный голос.

Вперёд вышел парень – точная копия Димы. Раскинув руки в стороны, будто знаменитый оратор, он самоуверенной походкой выходил на сцену. Ник смотрел на нас своим насмешливо-ядовитым взглядом, обнажая молочного оттенка клыки при разговоре.

– Выходи, моя копия!

Твари, державшие моего друга, одновременно отпустили

его. Дима по инерции отлетел вперёд, одаривая своего брата ненавистным взглядом.

– Я не твоя копия. И никогда ей не был, – ухмыльнулся он. – Я бы сказал... Кто тут ещё жалкая пародия.

С таким, как Ник, слабину показывать не принято. Пусть истерзанная в тряпье рука болела все сильнее с каждой секундой, и от этого лицо стремилось исказиться как от кислого лимона. Дима уверенно держался, стараясь не смотреть туда, где минуту назад стояла Аля, а теперь лежало её обезглавленное тело. Парень уверенно вскинул голову, поправляя, таким образом, съехавшие очки. Руки-то любезно связал братец.

Зрачки, имевшие по-змеиному овальную форму, следили за всеми, за теми, кто уже умер и лежал на земле, и за теми, кому это только предстояло. Змеем мой друг никогда не был. В отличие от его брата-близнеца, с лица которого тут же сошла улыбка.

Его взгляд заметался, и, в конце концов, змеёныш резким выпадом впился в шею Димы. Руки вцепились в плечи, а лоб сбил с носа очки. Ника не смущали ни трупы людей вокруг, ни какие-либо рамки приличия. Его задели слова молчавшего до этого много лет брата. Я видел, как клыки вонзились в кожу, словно каждый из них был иглой для забора крови.

Дима оттолкнулся от него и пошатнулся, но свою порцию яда принял.

– Я посмотрю, как ты будешь медленно погибать, – клы-

кастый снова улыбнулся, сумасшедше округляя глаза.

– Уж извини, – отвечал мой друг. – Но я не хочу, чтобы моим палачом был ты. Слишком большая честь для такого гадёныша.

И Дима ловким движением рук достал кинжал, с которым не расставался ни на миг. Даже со связанными и ранеными конечностями он смог ловко схватить рукоять оружия и замахнуться. Друг, широко улыбаясь своему стушевавшемуся брату, вонзил оружие прямо себе в сердце.

Мой друг умер. Он сам расправился со своей жизнью.

Но что будет с нами?

Брызнувшая бордовым фонтаном кровь помогла мне очнуться. Я осознал, что происходящее здесь и сейчас не страшный сон, а ужасная реальность. И если ничего не сделать, то даже такой реальности мы можем лишиться. Неужели все было зря? Почему те, кто так отчаянно боролся за жизнь и свободу, сейчас лежат мёртвыми в моих ногах?

Понимая, чей черед настанет сейчас, я задёргался, пытаюсь высвободиться. Но злосчастные путы не дали мне этого сделать. Паника охватило все тело. Когда уже я перестану быть таким жалким и слабым?!

Она смотрела прямо на меня. Прямо в душу. Её небесные глаза полны чувств, но ни страха, ни печали среди них нет, лишь нежность и беспокойство. За меня. Почему только сейчас, когда мы нашли друг друга, когда наши глаза заботливо следят за каждым движеньем, когда сердца бьются почти в

унисон, а души готовы водить хоровод, мы должны умереть?

Девушка тряхнула головой, растрепав свою копну темных волос, и закрыла глаза. Она смирилась? Придумала, что делать дальше?

Поддай знак, сделай хоть что-то, ты же всегда выручала нас в трудной ситуации. Молчишь? Ты приняла свою участь?

Нет, её губы что-то шепчут. Быстро-быстро лепечт тихие слова, она слегка хмурит брови. Я с трудом догадываюсь, что это послание не ко мне, а к богу. Нет, милая, к сожалению, нам с тобой теперь никакие молитвы не помогут.

Я снова дёргаюсь, в ответ, получая лишь:

– Не пытайся, все равно не получится, – горделиво сказал брат Димы, выглядевший так, будто ему только что отвесили нехилую пощёчину. Но почему «будто»? Слова брата задела за живое, находя невесёлый отклик в собственной душе змеи. – Из огненных магов получают самые сильные монстры. Тебя мы, пока что, оставляем. А вот девчонку – убрать. Нам не нужны слабые слуги. Хотя, могла бы сгодиться на корм питомцам, если бы была поплотнее.

В тот же миг Алена открыла глаза, попытавшись вырваться. Не может. Она не сможет! Её медленные, но отчаянные движения побудили меня действовать. Я не могу, не должен допустить ещё эту смерть!

Пора наконец-то стать сильнее! Хватит дрожать, как осиновый лист! Сколько ещё смертей должно произойти, чтобы побороть свои слабости?!

Она присоединилась к нам внезапно, став единым целым с этой системой сплочённо работающих органов, которая обычно зовётся командой. Так рано и резко оторванная от родителей, вкусившая нелёгкое бремя, бросившая свою прежнюю семью и землю, она пошла за мной. Потому что любила. И любит. И будет любить, если её жизнь не оборвётся сегодня. Я не должен допустить. Потому что иначе умру сам.

Огонь моих глаз отразился в луже дружеской крови. Кожа быстро набирала тепло, прожигая конечности чудовищ, пока змей прицеливался клинком, приближаясь к Алёне все быстрее и быстрее. Чудища отпустили её, но девушка не стремилась никуда убежать.

Наконец я вырвался.

Они стояли друг напротив друга на расстоянии в один шаг. Острые меча метило прямо в сердце. Девушка без страха в глазах смотрела на своего убийцу. Тот лишь ядовито ухмылялся: гадёнышу все наши страдания, все смерти были на радость. Эта прогнившая душа радовалась с каждой новой жертвой, облизывая кончик ножа.

Я на ходу достал свой меч, в ту же секунду вспыхнувший огнём. Внезапный порыв ветра ускорил мои ноги, но до них оставалась ещё пара метров.

Всего одно мгновение. Пока глаза змея смотрят на меня, пока они отвлеклись на ненужную цель.

Ещё секунда.

И этой секунды хватило.

Но не для меня.

– НЕТ!

Мой дикий крик разнёсся по всему полю битвы. Силы разом покинули тело, огонь сошёл с глаз, и тело уже не горело тем жаром, стоило только уловить движение падающего на землю тела. Казалось, весь жар, весь поток жизни, текущей по жилам, её смысл – пропали.

Руки бессильно опустились как тряпичные лоскуты, а глаза глядели на те васильковые алмазы, что ещё недавно с нежностью смотрели на меня. Теперь они навечно застыли. И никакие молитвы не помогли.

Вся душа встрепенулась и, словно летящая по небу птица, которую поразила стрела охотника, рухнула вниз. Каждый момент, проведённый вместе, каждая ночь перед очередной битвой, когда мы спали в обнимку, каждая фотография, на которой мы стоим вместе – все это проскочило перед глазами, словно сама жизнь прощалась со мной.

Теперь для нас все кончено. Не будет такой неправильной, несовместимой и одновременно неразлучной пары.

Я всегда это знал. Если умрёт она – то умрём мы вместе.

Пока змей доставал меч из тела, в голове промелькнула сумасшедшая мысль. Сумасшедшая, но такая правильная.

Жить больше нет смысла. Нет на свете тех, для кого можно жить.

Время словно замедлило свой ход, позволяя мне сделать

выбор. Или стать таким же без эмоциональным тупым чудовищем, или... Именно это «или» я и выбрал. Каким бы оно ни было. Для меня нет другого исхода.

Шаг, ещё шаг, ноги постепенно перешли на бег. Меч упал на красные от крови друзей доски, обрызгивая сапоги.

Тела друзей образовывали треугольник, в центре которого до этого остановился я. Бермудский треугольник. Наш бермудский треугольник, главным центром несчастий которого становился я.

Близнец не успел ничего сообразить. Его рука дрогнула, но меч не выпустила. Моё тело нанизалось на оружие, словно бисер на нить. Так мягко, как будто оно и было подковано для этого меча.

А в голове прокручивалась песня, которую мы однажды вместе исполнили за костром. Именно она и стала нашим похоронным маршем:

*О жизни весёлой теперь уж не грезьте,
Ведь завтра нас ждать будет ранний подъем.
Так долго сражались мы бок-о-бок вместе,
И если получится – вместе умрём...*

– Обломись, твареныш, – сквозь зубы прошипел я.

И змей обескуражено выпустил меч из руки, а я упал вместе с оружием в груди на землю. Глаза закрываются, и от этого на душе становится так радостно!

*Я скоро с вами встречу, друзья.
Мама, папа, я увижу вас!*

Братец, прости, я скоро приду!

Алена...Моя душа навсегда связана с тобой. И следуя за красной лентой, связывающей души влюблённых, я снова встречу с тобой. Просто дождись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.